

принадлежат другому лицу (кому именно — неизвестно) и, скорее всего, относятся к более позднему времени.

Полученный результат, как мы полагаем, дает повод для продолжения поиска, в котором может помочь комплекс собранных здесь сведений.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-2-126-139

© А. С. Бодрова

ЦЕНЗУРНАЯ СУДЬБА РОМАНА А. МАНДЗОНИ «ОБРУЧЕННЫЕ» В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Одно из важнейших направлений в современной компаративистике и истории перевода — развитие институциональных и социологических исследований, предполагающее смещение фокуса от анализа текстов к социокультурному контексту. Применительно к Translation Studies это прежде всего изучение деятельности переводчиков, описание места переводной литературы и ее издателей в литературном поле, реконструкция читательского восприятия иностранных и иноязычных текстов в разные эпохи. В этом отношении показателен интерес к теории культурного трансфера,¹ с 1980-х годов развивавшейся Мишелем Эспанем и его коллегами. Она также сосредоточена на изучении *агентов* трансфера — медиаторов, посредников между культурами, к которым можно отнести не только переводчиков и интерпретаторов иностранной культуры, но и книгопродавцев, собирателей и хранителей библиотек.

В том же ряду, как представляется, могут быть рассмотрены и цензоры иностранных и переводных книг. Так, цензура иностранная и обыкновенная цензура, ведавшая переводами иноязычной литературы на языки народов Российской империи, представляет собой в самом непосредственном смысле институцию-медиатор между иностранной литературой и отечественным читателем, во многом определяя облик иноязычных культур в официально очерченных границах литературного поля. Не преувеличивая влияние цензурных запретов на реальную циркуляцию книг и текстов, в особенности на иностранных языках, нельзя не указать на важность цензурных материалов для понимания представлений о границах дозволенного и запретного и их эволюции. Не менее важны эти материалы и для изучения российской рецепции иностранной литературы — цензорские отзывы и рапорты представляют собой редкие (а в случае с запрещенными книгами, возможно, даже и уникальные) свидетельства о читательском восприятии тех или иных сочинений, пусть и в специфической оптике.

Проблемное поле «Перевод и цензура» активно разрабатывается на различном национальном материале (в центре внимания исследователей прежде всего цензурные практики XX века в СССР и странах социалистического лагеря, Испании, Португалии, Италии, Германии, странах Латинской Америки),² однако цензура иностранных и пе-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00761, <https://www.rscf.ru/project/24-18-00761/>, ИРЛИ РАН.

¹ См., например, переводной сборник ключевых работ М. Эспана: *Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер* / Пер. с фр. Е. Е. Дмитриевой. М., 2018.

² В ряду многих публикаций отметим сборник «Translation and Censorship in Different Times and Landscapes» (Newcastle, 2005) — в основном на португальском и испанском материале XX века, коллективную монографию «The Power of the Pen: Translation & Censorship in Nineteenth-century Europe» (Wien; Berlin, 2010), рассматривающую не слишком часто попадающий в поле зрения XIX век, а также ряд публикаций в форуме профильного журнала «Translation Studies» (Translation Studies Forum: Translation and censorship // Translation Studies. 2011. Vol. 4. № 3. P. 358–373; 2012. Vol. 5. № 1. P. 95–110). Обширный материал, касающийся различ-

реводных книг в Российской империи сравнительно редко привлекает внимание в этом ракурсе.³ Хотя цензурные материалы, касающиеся истории публикации известных европейских авторов (Дж. Байрон, Г. Гейне, В. Гюго, Ж. Санд, А. Мицкевич и др.) в Российской империи, давно начали вводить в научный оборот,⁴ они редко встраивались в более широкий институциональный и социальный контекст и не рассматривались в соотношении с особенностями цензурной политики в конкретный период. Важным при этом представляется параллельное изучение материалов цензуры иностранной и документов обыкновенной цензуры, что позволяет уточнить механизмы взаимодействия разных типов трансфера иноязычной литературы в Российской империи.

В настоящей статье мы обратимся к судьбе знаменитого итальянского романа Алессандро Мандзони «Обрученные» («I promessi sposi», 1827) в Российской империи в 1830–1850-е годы и реконструируем цензурную историю его переводов — не только русских, но и польских, которые мы будем рассматривать на фоне истории бытования итальянских и французских изданий романа Мандзони. Однако в центре нашего внимания будут прежде всего институциональные механизмы принятия цензурных решений в отношении переводов «Обрученных», идеологические и социальные контексты конкретных цензурских мнений и действий.

* * *

Роман Мандзони, имевший не только итальянский, но и европейский успех, получил известность в России вскоре после публикации.⁵ Уже в 1827 году в журнале «Московский вестник» были опубликованы как первый отрывок из «Обрученных», так и статья о романе, заимствованная из «Journal des Débats».⁶ В последующие годы

ных национальных традиций и эпох, собран в коллективной монографии: The Routledge Handbook of Translation and Censorship / Ed. by D. Merkle, B. J. Baer. London, 2025.

³ На этом фоне следует особенно выделить книгу М. Тэкс Чолдин «Империя за забором: История цензуры в царской России», в которой подробно рассматривается цензурная политика в отношении немецкоязычных изданий (*Choldin Tax M. A Fence around the Empire: Russian Censorship of Western Ideas under the Tsars*. Durham, 1985; рус. пер. М. Галушкиной — М., 2002), статью Б. Бэра о функции переводов политической лирики и способах обходить цензуру в 1820-е годы (*Baer B. J. Literary Translation in the Age of the Decembrists: the Birth of Productive Censorship in Russia* // *The Power of the Pen: Translation & Censorship in Nineteenth-century Europe*. Wien; Berlin, 2010. P. 213–242). История цензуры иностранной как института изучена и описана более обстоятельно — в работах и публикациях Н. А. Гринченко, Н. Г. Патрушевой, Л. Ю. Гусмана и др. См. прежде всего: Комитет цензуры иностранной в Петербурге, 1828–1917: документы и материалы / Сост. Н. А. Гринченко, Н. Г. Патрушева. СПб., 2006; *Гусман Л. Ю.* История несостоявшейся реформы: Проекты преобразования цензуры иностранных изданий в России (1861–1881 гг.). М., 2001; *Москвин В. А.* Цензура и распространение иностранных изданий в Москве (вторая половина XIX — начало XX в.). Дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2004.

⁴ См., например, богатые материалами статьи и публикации: *Оксман Ю. Г.* Борьба с Байроном в Александровскую и Николаевскую эпоху // Начала. 1922. № 2. С. 256–263; *Федоров А.* Генрих Гейне в царской цензуре // Лит. наследство. 1935. Т. 22/24. С. 635–678; Французские писатели в оценках царской цензуры / Публ. материалов Л. Полянской и И. Айзенштока // Лит. наследство. 1939. Т. 33/34. С. 769–858; *Полянская Л. И.* Цензурные дела об издании произведений Мицкевича в России // Адам Мицкевич в русской печати 1825–1955 / Отв. ред. М. П. Алексеев. М.; Л., 1957. С. 467–470.

⁵ Об истории русской рецепции Мандзони см. полезные обзорные работы: *Volodina I.* Manzoni in Russia // *Atti del VII Congresso nazionale di studi manzoniani*. Lecco, 1966. P. 345–386; *Dančenko V.* Manzoni in Russia // *Italianistica*. 1973. Vol. 2. № 1. P. 225–231; *Vitale S.* Manzoni in Russia // *Manzoni europeo* / A cura di G. Pontiggia. Milano, 1985. P. 279–331; *Володина И. П.* Заметки о восприятии творчества А. Мандзони в России (1820–1960) // Володина И. П. Итальянская традиция сквозь века. Из истории итальянской литературы XVI–XX веков: Сб. статей. СПб., 2004. С. 195–231. Однако в этих статьях цензурные материалы не привлекались к рассмотрению.

⁶ Отрывок из нового итальянского романа, соч. Александра Мандзони / [Пер. С. Шевырева] // Московский вестник. 1827. Ч. 6. № 22. С. 178–182; [Рец. на:] Обрученные, миланская повесть XVII столетия, найденная и изданная А. Мандзони. 3 части // Там же. С. 219–227 (подп.: S.).

в печати неоднократно появлялись фрагменты из романа, переводившиеся и с французских посредников, и с итальянского оригинала, а также заметки и статьи об «*I promessi sposi*» и их авторе. При общем внимании к Мандзони и значительном интересе литераторов и читателей к жанру исторического романа русское книжное издание «миланской повести XVII века» было бы ожидаемым событием и в 1830-е, и в 1840-е годы, однако неоднократно предпринимавшиеся попытки издать такой перевод в Российской империи наталкивались на цензурные сложности и запреты, преодолеть которые, хотя и не без труда, удалось только в 1853–1854 годах книгопродавцу Н. Н. Улитину-Глазунову.⁷ До этого времени издания «Обрученных» — на русском и польском языках — трижды останавливались на первых томах: таковым было московское издание 1833 года, 1-й том которого вышел в типографии Лазаревых без имени переводчика, до нынешнего времени не установленного;⁸ петербургское издание польского перевода, предпринятое Плакидом Янковским в 1836 году,⁹ и еще одно московское издание Улитина из серии «Библиотека романов, повестей и путешествий», первый том которого появился в продаже в 1840 году.¹⁰

Хотя мотивировки цензурных запрещений были в каждом случае разными, набор сюжетных линий, эпизодов, тем, вызывавших претензии цензоров, оказался ограниченным: сцена народного волнения в Милане, описание миланской чумы, явная критика нравов духовенства и произвола власть имущих — делали роман, особенно в контексте начала 1830-х годов, после вспышек чумы, эпидемии холеры и Польского восстания, слишком социально-заостренным и «неблагонадежным», несмотря на отдаленность места и времени действия «миланской повести XVII века» от николаевской России. При этом опасения цензоров распространялись только на переводы «Обрученных» на языки Российской империи, в то время как и итальянский оригинал, и французские переводы не встретили цензурных препятствий. В документах комитета цензуры иностранной за 1828–1829 годы не обнаружено никаких запретительных резолюций,¹¹ а различные издания «*I promessi sposi*» и «*Les fiancés*» свободно продавались в течение 1830-х — начале 1840-х годов в петербургских книжных магазинах, специализировавшихся на иностранной литературе, — например, в магазине Ф. Белизара и книжной лавке Я. А. Исакова.¹² На этом фоне тем более выразительными ока-

⁷ Обрученные. Медиоланская быль XVII столетия, найденная и переделанная Александром Манзони / Пер. с ит. В. С. Межевича. Ч. 1–4. М., 1854.

⁸ Обрученные. Миланская повесть XVII века, отысканная и поправленная Александром Манзони / Пер. с фр. Ч. 1. М., 1833.

⁹ Narzeczeni. Powieść Mediolańska z wieku XVII, odkryta i przerobiona przez Alexandra Manzoni / Wolny przekład z Włoskiego P. J. T. 1. St. Petersburg, 1836.

¹⁰ Обрученные. Медиоланская быль XVIII <так!> столетия, найденная и переделанная Александром Манзони / Пер. с ит. Ч. 1. М., 1840.

¹¹ Были просмотрены рапорты цензоров за 1828 год (РГИА. Ф. 779. Оп. 4. № 77, 78), журналы заседаний Комитета цензуры иностранной за 1829 год (Там же. № 10), списки книг, запрещенных Комитетом цензуры иностранной полностью и частично с апреля 1828-го по декабрь 1829 года (Там же. Ф. 772. Оп. 1. № 82). В ведении Комитета цензуры иностранной находились книги, изданные за пределами Российской империи, но предназначенные для внутреннего коммерческого распространения или частного чтения. Ввозимые из-за границы издания должны были быть сверены со списками ранее дозволенных или запрещенных книг, а в том случае, если еще не были известны иностранной цензуре, поступали на рассмотрение цензоров, которые, в свою очередь, могли дозволить книгу «вполне», дозволить с исключением отдельных мест (которые вымарывались или вырезались), запретить книгу «безусловно», т. е. для всех, или же запретить книгу «для публики» (т. е. дозволить для частного чтения благонадежным лицам). Такой порядок, предусмотренный цензурным уставом 1828 года, на деле было сложно соблюдать, учитывая значительный поток иностранных книг, сложное распределение обязанностей между локальными цензурными комитетами в пограничных городах империи и петербургским комитетом, различные каналы доставки книг. Таким образом, попадание в список запрещенных иностранной цензурой книг не всегда означает реальное их отсутствие в читательском обращении, но скорее фиксирует представление о границах запретного и дозволенного.

¹² Так, в 1832 году в книжном магазине Ф. Белизара можно было купить парижское издание «Обрученных» на итальянском языке (*Manzoni A. I Promessi sposi, storia milanese del secolo XVII, scoperta e rifatta...* 9-е edizione. Parigi: Baudry, 1830 (2 vols.)) и французский перевод Дюсёйя

зываются конкретные решения цензоров в отношении переводов, каждый раз отражавшие специфику социального и идеологического воображаемого представлений о границах дозволенного и, напротив, вредного и опасного для внутреннего читателя.

Обращение к цензурным документам, связанным с историей несостоявшегося первого полного перевода «Обрученных», позволило установить имя не слишком удачливого переводчика романа Мандзони. Согласно записям в «Книге рукописей» Московского цензурного комитета за 1833–1834 годы, три части рукописи перевода под заглавием «Обрученные. Миланская повесть XVII века» в течение лета — осени 1833 года представлялись «от учителя Павла Цветкова» или же по его поручению.¹³ По всей видимости, это был Павел Петрович Цветков, в 1832 году учитель при Воспитательном доме,¹⁴ затем также служивший старшим учителем математики в Московском дворянском институте,¹⁵ выпускник Московского университета,¹⁶ автор пособия по арифметике, напечатанного в 1834 году в той же типографии Лазаревского института восточных языков,¹⁷ что и единственная, вышедшая в свет часть перевода «Обрученных».¹⁸

(Manzoni A. Les fiancés; histoire milanaise du 17e siècle, traduite de l'italien... par Rey Dussueil. 2e éd. Paris: C. Gosselin, 1830 (6 vols.)) (Supplément au Catalogue général de F-d Bellizard et C-ie, Libr. de la cour. St.-Petersbourg, 1832. P. 59, 89). В 1839 году тот же Белизар предлагал своим посетителям парижские и брюссельские издания на итальянском и французском языках (Catalogue général de la librairie de fonds et d'assortiment de F-d Bellizard et Co... St.-Petersbourg, 1839. P. 252, 343), а в 1840 году в книжной лавке Я. А. Исакова в продаже имелось новое издание французского перевода «Обрученных» (Catalogue général de la librairie d'assortiment de J. Issakoff. St. Petersbourg, 1842. P. 203).

¹³ ЦГА г. Москвы. Ф. 31. Оп. 5. № 88. Л. 45 об. — 46, 57 об. — 58, 73 об. — 74.

¹⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 2125. Оп. 1. № 1110. Л. 349 [Исповедная ведомость церкви Николаевской на Арбате за 1832 год]. Согласно записи в исповедной ведомости, в 1832 году П. П. Цветкову было 38 лет.

¹⁵ По данным метрических книг, исповедных ведомостей и адрес-календарей, Цветков по крайней мере до начала 1840-х годов продолжал, с некоторыми перерывами, службу в Воспитательном доме, а в конце 1830-х годов также преподавал математику в Дворянском институте: в адрес-календаре на 1838 год он значится учителем арифметики и математики при Воспитательном доме и учителем математики в Дворянском институте, в чине титулярного советника (Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1838 год. СПб., 1838. Ч. 1. С. 609, 956). В адрес-календаре на 1840 год сведения о Цветкове отсутствуют, а в метрической книге Сретенского сорока на 1840 год он упоминается как неслужащий коллежский ассессор (ЦГА г. Москвы. Ф. 2126. Оп. 1. № 12. Л. 241 об. — 242), что позволяет предположить краткий выход в отставку по получении следующего чина. С 1841 года коллежский ассессор Цветков вновь возвращается на службу в Московский воспитательный дом (Там же. Ф. 203. Оп. 745. № 358. Л. 106 об.). Однако в «Адрес-календаре жителей Москвы» на 1846 год, составленном К. Нистремом (М., 1846. С. 295), Цветков упомянут уже как занимающий должность помощника смотрителя и второго члена конторы Московского сиротского дома.

¹⁶ *Феофанов А. М.* Студенты Московского университета второй половины XVIII — первой четверти XIX века: библиографический словарь. М., 2013. С. 389.

¹⁷ Арифметика, составленная Павлом Цветковым. М.: Тип. Лазаревых ин-та вост. яз., 1834.

¹⁸ Отождествить «учителя Павла Цветкова» с математиком П. П. Цветковым позволяют, с одной стороны, сведения, содержащиеся в «Книге рукописей», а с другой — данные московских метрических книг. Так, в цензурной ведомости значится, что третья часть перевода «Обрученных» была представлена в цензуру «от лекаря С. Фаворского», который забирал из цензурного комитета и вторую часть перевода Цветкова, выступая, очевидно, доверенным лицом последнего (ЦГА г. Москвы. Ф. 31. Оп. 5. № 88. Л. 57 об. — 58, 73 об. — 74). Несколько лет спустя, в сентябре 1837 года, «Сергей Павлов Фаворский, живущий и служащий в Мос<ковском> университете», был поручителем по женихе на свадьбе Павла Петровича Цветкова, титулярного советника, служащего в Московском дворянском институте старшим учителем математики (Там же. Ф. 203. Оп. 745. № 324. Л. 1386 (метрическая книга Московской духовной консистории, Сретенского сорока, Рождественского девичьего монастыря, церкви Рождества Пресвятой Богородицы за 1837 год); Там же. Ф. 2126. Оп. 1. № 12. Л. 208 (копия метрических книг Московского Рождественского девичьего монастыря, 1813–1851)). Подобные разыскания оказались возможными благодаря массовой оцифровке фондов ЦГА г. Москвы, содержащих метрические книги, исповедные ведомости и ревизские сказки, и их электронному представлению через сервис «Яндекса» «Поиск по архивам» (<https://ya.ru/archive>).

Перевод романа представлялся в московскую цензуру частями, как это иногда делалось с объемными произведениями, и уже на первой части «Обрученных», сохранившей начальные семь глав и поступившей в Московский цензурный комитет 21 июля 1833 года, переводчик столкнулся с некоторыми затруднениями. Как следует из записи в «Книге рукописей», цензор Л. А. Цветаев сначала вернул ему перевод «для исправления» (28 июля), а одобрил, очевидно, после того, как в тексте были сделаны необходимые изменения.¹⁹ Дозволенную к публикации рукопись Цветков забрал из цензуры 31 июля 1833 года;²⁰ к началу следующего 1834 года первая часть романа была отпечатана, представлена в цензуру 5 января 1834 года и в тот же день получила билет на выход в свет.²¹ Между тем судьба следующих частей «Обрученных» оставалась драматически неопределенной. Ни вторая часть перевода, поданная в московскую цензуру в середине октября 1833 года,²² ни третья часть, отданная Цветаеву в начале ноября,²³ так и не получили желанного цензурного разрешения. Вторую часть романа цензор возвращал переводчику для исправлений дважды: 2 октября и 5 ноября, третью часть Цветаев читал почти месяц — и также отдал для исправлений 29 ноября 1833 года без положительной резолюции.

По всей видимости, отчаявшись договориться с цензором Цветаевым и его московскими коллегами, Цветков или его издатели решили прибегнуть к известному на практике решению — воспользоваться отсутствием запрещения рукописи, представить перевод на рассмотрение в другой цензурный комитет в надежде на большую снисходительность или меньшую придирчивость столичных цензоров.

23 января 1834 года в Петербургский цензурный комитет от книгопродавца А. Ф. Смирдина поступила «Рукопись: Обрученные часть вторая».²⁴ Рассмотрение этого сочинения было на следующий день поручено взыскательному и осмотнительному цензору П. И. Гаевскому, который настороженно отнесся к содержанию представленного фрагмента и сразу заподозрил обходной цензурный маневр. Свои впечатления Гаевский изложил в отдельном рапорте, датированном 21 февраля 1834 года и представленном в Комитет:

«Обрученные. Повесть Манзони. <так!> Перев. с франц. *Часть вторая* (по вх. журн. 24 генв. 1834 г., № 32)

1-я часть сего сочинения отпечатана в Москве; 2-я прислана для цензурования сюда.

В сей 2-й части, которую, вероятно, московская цензура не соглашалась одобрить, находится, между прочим, подробное описание причин, начала и хода народного восстания, случившегося в Милане в 1628 г. по случаю голода [и оказавшегося]. Описание сие, составляющее, если не ошибаюсь, эпизод самой повести, так живо, так резко, что цензор уверен, что оно [произведет] в состоянии произвести скорее вред, нежели самонаименьшую пользу. Посему он полагает, что описание сие, составляющее, впрочем, треть всего тома, должно быть исключено. Цензор и потому еще не может подписать сей части, что оно не оканчивается повестью, и, как видно из последних строк второго тома, бунтовщики будут действовать и в третьем, который в цензуру не доставлен еще, и, следовательно, о духе его нельзя теперь сказать что-либо определительное».²⁵

Доклад Гаевского представляет собой яркий образец цензурной риторики, демонстрирующий как содержательно-идеологические опасения (указание на эпизод восста-

¹⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 31. Оп. 5. № 88. Л. 45 об. — 46.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. № 89. Л. 44 об. — 45.

²² ЦГА г. Москвы. Ф. 31. Оп. 5. № 88. Л. 57 об. — 58 (дата вступления рукописи, объемом 74 страницы, — 15 сентября 1833 года).

²³ Там же. 73 об. — 74 (рукопись, также в 74 страницы, была подана в цензурный комитет 3 ноября 1833 года).

²⁴ РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 198. Л. 4 об. — 5.

²⁵ Автограф Гаевского, с отдельными поправками: РНБ. Ф. 831. № 7. Л. 11–11 об.; копия из бумаг Петербургского цензурного комитета: РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 1228. Л. 1. В квадратных скобках приведены вычеркнутые слова.

ния в Милане как наиболее «резкий» и провокативный), так и бюрократическую осторожность и нежелание брать ответственность на себя. Характерно, что в первую очередь Гаевский и его коллеги обратились не к переводчику или издателю с просьбой представить полный текст романа для содержательного суждения о нем, но в Московский цензурный комитет, чтобы выяснить, «не представлял ли переводчик <...> второй части <...> на рассмотрение Московского цензурного комитета и не была ли она по каким-либо причинам запрещена».²⁶ В Москве ответ на запрос был составлен 5 апреля 1834 года и содержал краткое изложение ничем не окончившейся истории рассмотрения 2-й и 3-й частей перевода Цветкова, отданных ему на исправление и формально не запрещенных, но, очевидно, сомнительных и с точки зрения Московского цензурного комитета. По всей видимости, Гаевский реализовал ту же самую стратегию, что и его московские коллеги, — формальной резолюции о запрещении крамольных глав или части перевода целиком в журналах заседаний Петербургского цензурного комитета не содержится, но рукопись — «без одобрения» — была возвращена издателю, вероятно, с какими-то устными пояснениями.²⁷ Можно предполагать, что неутешительная резолюция петербургской цензуры окончательно отвратила Цветкова от намерения провести в печать перевод романа Мандзони — по крайней мере, в цензурных ведомостях Москвы и Петербурга следы этого издательского проекта более не обнаруживаются.

Между тем, если бы Цветков оказался более настойчивым или выждал некоторое время, у него, вероятно, был бы шанс напечатать свой русский перевод, хотя и с исключением глав о восстании в Милане, — спустя год после описанных событий цензор Гаевский был готов пересмотреть свое прежнее решение, когда в его руки наконец попал полный текст «Обрученных», но уже в польском переводе. Однако в этой цензурной истории основное внимание Гаевского было сосредоточено, разумеется, на новом издании, ориентированном на иную аудиторию и попадавшем в иной политический и идеологический контекст.

В мае 1835 года профессор Жировицкой духовной семинарии, писатель и переводчик Плакид Янковский (Jankowski, 1810–1872)²⁸ отправил в Петербургский цензурный комитет рукопись четырех томов польского перевода: «Narzeczeni. Powieść Mediolańska z wieku XVII».²⁹ Рассмотрение сочинения было вновь поручено цензору Гаевскому, в ведение которого часто попадали книги на польском языке, — и 11 июня 1835 года он опять составил отдельный и подробный рапорт о прочитанном, рефлексировав в нем и свое прежнее решение, касавшееся русского перевода романа Мандзони:

«Narzeczeni. Powieść Mediolańska z wieku XVII, odkryta i przerobiona przez Alexandra Manzoni. Wolny przekład z Włoskiego P. J. — (Обрученные. Миланская повесть XVII века, найденная и переделанная Ал. Манцони. Вольный перевод с италиянского П. И.) в четырех томах.

Уже в другой раз о сочинении сем вхожу я с представлением в цензурный комитет. В генваре 1834 года поручено мне было рассмотрение романа сего в переводе на русский язык; 1-я часть сочинения напечатана была уже в Москве, с одобрения тамошней цензуры; 2-я поручена мне в рукописи, 3-й и 4-й не было представлено. Имев в виду только две части и потому не могши сделать заключения о духе целого, я не одобрил представленного тогда на рассмотрение 2-го тома, тем более что несколько глав оного

²⁶ Отношение в канцелярию Московского цензурного комитета от 17 марта 1834 года // Там же. Л. 2.

²⁷ РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 198. Л. 4 об. — 5. Указано, что рукопись получил обратно сам А. Ф. Смирдин.

²⁸ О П. Г. Янковском, интеллектуале, писателе, переводчике Шекспира, Виланда, Гете на польский язык, важном духовном деятеле Западного края см.: *Де Пуле М.* Плакид Гаврилович Янковский (John of Dycalp) // Литовские епархиальные ведомости. 1877. № 2. С. 12–16; № 3. С. 20–24; *Charkiewicz W.* Placyd Jankowski = (John of Dycalp): życie i twórczość. Wilno, 1928; *Чарота У. І.* Творчає засваєння італійської літаратури Плакідам Янкоўскім // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2023. № 3. С. 57–62.

²⁹ РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 199. Л. 26 об. — 27.

содержат подробное описание причин, начала, хода и последствий народного восстания, случившегося в Милане в 1628 году по поводу оказавшегося голода. О сем доводил я до сведения комитета 21 февраля 1834 г.

Ныне, прочитав в польском (вольном) переводе все 4-е тома, [я полагаю мнением] я уверился, что 2-го тома две главы, именно 12 и 13-я, содержащие описание помянутого возмущения, составляя эпизод всей повести, могут быть без большого вреда для целого сочинения исключены, потому что пользы от описания народного буйства произойти не может, а вред от одного весьма возможен. На сие имея честь испрашивать разрешения комитета, нужным считаю присовокупить, что если бы даже упоминаемые в главах сих происшествия оказались дозволительными в русском переводе, то [я думаю, что] едва ли можно допустить их в переводе польском». ³⁰

В аргументации Гаевского примечательно прежде всего эксплицированное различие языков, на которые переводится роман, демонстрирующее определяющее значение внутренних социальных и политических факторов при принятии цензурных решений даже в отношении произведений иностранной литературы. Хотя и в первом, и во втором рапорте Гаевский использовал самые общие формулировки («в состоянии произвести скорее вред, нежели самонаименьшую пользу», «пользы от описания народного буйства произойти не может, а вред от одного весьма возможен»), едва ли можно ошибиться, предположив, что в контексте первой половины 1830-х годов описание народного возмущения в Милане на фоне голода и затем чумы проецировалось на недавние события внутри Российской империи: холерные бунты 1830-го и в особенности 1831 года, когда усмирять петербургскую толпу приехал сам император Николай I, и, конечно, Польское восстание 1830–1831 годов. В начале 1830-х годов польскоязычная аудитория, которой был предназначен перевод Янковского, представлялась цензорам куда менее благонадежной, а потому сочинения на польском языке подвергались более придирчивому рассмотрению как обыкновенной цензуры, так и цензуры иностранной.

Доклад Гаевского о польском переводе «Обрученных» был представлен 11 июня 1835 года на заседании Петербургского цензурного комитета, который согласился с его вердиктом и постановил «предоставить ему обе главы, содержащие описание народного возмущения, исключить из перевода». ³¹ В реестре рукописей запись о цензурном дозволении стоит лишь напротив 1-го тома «Обрученных», ³² — по-видимому, Гаевский предполагал, что переводчик должен не только исключить запрещенные главы, но и внести изменения в текст следующих частей. Работа над усовершенствованием перевода в соответствии с цензурными требованиями была, очевидно, затруднена тем, что Янковский постоянно жил в Жировичах Гродненской губернии и едва ли мог активно участвовать в судьбе издания. В результате публикация польского перевода Янковского, как и прежде русский перевод Цветкова, остановилась на 1-м томе, который был отпечатан в типографии К. Крайя к 5 октября 1836 года и в тот же день получил билет на выход в свет. ³³ Продолжения издания, однако, снова не последовало.

Две цензурных неудачи «Обрученных» и бытование единственного тома романа в русском и польском переводе не остановило попыток провести в печать это сочинение Мандзони. Еще один русский перевод, в отличие от перевода Цветкова сделанный с итальянского подлинника, выполнил в середине 1830-х годов В. С. Межевич (1814–

³⁰ Автограф Гаевского: РНБ. Ф. 831. № 7. Л. 17–17 об.; копия из бумаг Петербургского цензурного комитета: РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 1273. Л. 11–11 об.

³¹ Там же. Оп. 27. № 28. Л. 48; Там же. Оп. 1. № 1273. Л. 12–12 об.

³² Там же. № 199. Л. 26 об. — 27.

³³ Данные по экземпляру издания из библиотеки Петербургского цензурного комитета, ныне хранящейся в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки СПбГУ (шифр Е I 17866). Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность А. А. Савельеву и Н. И. Николаеву за помощь в работе с материалами библиотеки Петербургского цензурного комитета и библиотеки Комитета цензуры иностранной, также находящейся в этом отделе НБ СПбГУ. В этот экземпляр вклеено свидетельство из типографии, подписанное К. Крайем, а на титульном листе содержатся пометы о выдаче цензурного билета («Билет дал Гаевский. 5 окт. 1836»).

1849), впоследствии известный журналист, активный литературный и театальный критик, а тогда начинающий сотрудник «Телескопа», «Молвы» и других московских околууниверситетских изданий. Перевод Межевича³⁴ предназначался для коммерческой, в основном переводной серии московского книгопродавца Н. Н. Улитина-Глазунова «Библиотека романов, повестей и исторических записок».³⁵ Еще в декабре 1835 года объявление в «Северной пчеле» анонсировало скорое появление перевода «Обрученных» наряду с «Герцогиней Шатору, соч. Софьи Ге», «Сценами средних веков, соч. Цшокке», «Валентином <так!>, соч. Занд».³⁶ Однако выход в свет романа Мандзони затянулся. Первая часть перевода, объемом 546 страниц, была представлена в московскую цензуру 10 сентября 1837 года и была поручена цензору И. М. Снегиреву, которому в начале ноября издатель передал еще более объемное продолжение: вторая часть рукописи «Обрученных», «числом страниц 787», записана в цензурной ведомости под 5 ноября 1837 года.³⁷ Согласно цензурным документам, разрешение второй части перевода было выдано 9 ноября, тогда как первая часть рукописи получила дозволение только 30 ноября — эта дата значится и на обороте титула 1-го тома романа. Однако, несмотря на формально полученное цензурное разрешение на все представленные рукописи, отпечатан был только первый том «Обрученных», причем произошло это только в середине мая 1840 года. Далее единственного начального тома³⁸ это издание также не двинулось.

Преодолеть цензурные запреты и напечатать «Обрученных» по-русски целиком Улитину-Глазунову удалось только в начале 1850-х годов, уже после смерти Межевича, в другую литературную и общественную эпоху, не менее, впрочем, напряженную и непростую в цензурном отношении. Но к 1850-м годам у Мандзони и его романа уже была настоящая слава и статус признанного шедевра национальной литературы, что с точки зрения цензурных правил и практики облегчало прохождение текста.

Четыре части «Обрученных» составили т. 1–2 и 6–7 седьмого выпуска улитинской серии, издававшейся в это время под заглавием «Библиотека романов, повестей, путешествий и записок»; все тома получили цензурные билеты в первой половине

³⁴ На принадлежность Межевичу перевода 1840 года указала в свое время И. П. Володина, сличив его с изданием 1854 года, на титуле которого обозначено имя переводчика (*Володина И. П.* Заметки о восприятии творчества А. Мандзони в России. С. 203). О значимых расхождениях между изданием 1840 года и первым томом 1854 года см. подробно далее.

³⁵ См. характеристику, данную этой серии Белинским в рецензии на перевод «Герцогини Шатору», вышедший в 1838 году (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 2. С. 493–494). Любопытно, что здесь Белинский упоминает и об «Обрученных» как о произведении, более достойном перевода и помещения в серию: «Не худо бы также поискать чего-нибудь и у англичан и у итальянцев. Да вот — чего лучше? — отчего бы не перевести „Обрученных“ Манцони? Очень бы можно найти хорошего переводчика. Разумеется, всё хорошее будет стоить больших расходов, но зато и будет приносить большие выгоды». По всей видимости, Белинский знал о готовившемся переводе Межевича, тогда вполне близко с ним знакомого (см.: Там же. С. 750), и хотел заранее привлечь к нему внимание публики.

³⁶ Северная пчела. 1835. 19 дек. № 289. С. 1153.

³⁷ Данные о прохождении рукописи через цензуру см. в «Ведомости о рассмотренных Московским цензурным комитетом рукописях, печатных книгах и нотах в ноябре месяце 1837 года» (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. № 957. Л. 100 об. — 101, 102 об. — 103). Если первая часть была представлена в цензурный комитет «от книгопродавца Н. Н. Глазунова», то продолжение «Медиоланской были» записано как полученное «от г. цензора Снегирева».

³⁸ Обрученные. Медиоланская была XVIII <так!> столетия, найденная и переведенная Александром Мандзони / Пер. с ит. Ч. 1. М., 1840. Цензурный билет на книгу был выдан 17 мая 1840 года (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. № 1299. Л. 113 об. — 114). Издание было отрецензировано в 6-м номере «Отечественных записок» А. Д. Галаховым (атрибуция В. Э. Богграда: *Богград В. Э.* Журнал «Отечественные записки» 1839–1848. Указатель содержания. М., 1985. С. 88, 406), который приветствовал появление романа на русском языке, но не одобрял язык перевода Межевича: «...роман или была Манзони (Манцони?) давно пользуется большою, заслуженною славой. По выходе остальных частей <...> мы дадим подробный о них отчет, а теперь удовольствуемся замечанием, что изыскные произведения должны переводить изящным слогом, чего не заметили мы в „Обрученных“» (Отечественные записки. 1840. Т. 10. № 6. Отд. VI. С. 53).

1854 года,³⁹ однако их окончательному дозволению также предшествовала довольно длительная история, в которой был задействован не только цензор Снегирев и Московский цензурный комитет, но и Главное управление цензуры.

В середине ноября 1852 года в московскую цензуру поступили 4 части перевода «Обрученных» — печатный экземпляр уже известного нам 1-го тома перевода 1840 года «для 2 изд[ания] без перемен» и следующие части в рукописи.⁴⁰ Но ни рассматривавший роман цензор Снегирев, ни Московский цензурный комитет не решились принять самостоятельное решение об их судьбе,⁴¹ опасаясь не за общее «направление» романа, но за отдельные потенциально «неблагонадежные» эпизоды. Их список был представлен на рассмотрение более высокой инстанции — Главного управления цензуры в донесении от 23 января 1853 года, благодаря чему у нас есть возможность более подробно проследить логику цензурных претензий.

По мнению Снегирева и поддержавшего его Московского цензурного комитета, «в общем содержании и направлении романа этого не находится ничего противного правилам цензуры, но как в нем есть отдельные места и выражения, которые могут показаться несогласными с последними предписаниями высшего начальства и произвести неблагоприятное впечатление на читателей низшего класса,⁴² то комитет считает долгом представить об них на заключение и разрешение Главного управления цензуры, именно:

В 1-й части 1) насилие вельможи, презирающего законы, покровительствующего разбойникам и нагло посягающего отнять обрученную невесту у жениха, с тем чтобы лишить ее чести; борьба слабых с сильными, возбуждающая негодование; 2) нарушение священнослужителем своих обязанностей из угрождения к могущественному вельможе — стр. 28, он в особенности восстает против своих собратий, которые с опасностью жизни принимали сторону слабого против могущего притеснителя — стр. 38; 3) ссора и поединок купца с дворянином — стр. 113, убийство последнего первым оправдывается народом — стр. 115; 4) самоуправство с хлебниками, которых подозревали в утайке хлеба и возвышении цены на оный; частные люди решают их повесить — стр. 161.

Во 2-й части, стр. 60 и следующие, описываются подробности народного бунта против хлебников, который представляется как бы необходимою мерою, дозвоительною народу в случае притеснения. В 3-й части, стр. 23, бессильные, которые не в состоянии защитить себя, призывают на помощь Бога, как будто они с Ним условились; стр. 33 — „если другая жизнь, о коей мне говорили в детстве, о коей и теперь беспрестанно толкуют, как будто ее испытали, если эта жизнь — пустая мечта, выдумка монахов, то для чего ж мне умирать“. В 4-й части, стр. 105 и 113, обеты, данные Божией матерью, почитаются недействительными.

³⁹ Цензурные билеты были выданы Снегиревым 27 января, 4 марта, 6 и 7 июля 1854 года (ЦГА г. Москвы. Ф. 31. Оп. 1. № 31. Л. 9 об. — 10, 19 об. — 20, 57 об. — 58, 58 об. — 59).

⁴⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 31. Оп. 5. № 303. Л. 5 об. (протокол заседания комитета 17 ноября 1852 года).

⁴¹ Донесение Снегирева в Московский цензурный комитет, датированное 23 января 1853 года, зафиксировано в журнале заседаний: ЦГА г. Москвы. Ф. 31. Оп. 5. № 326. Л. 26 об. — 28. Его текст практически дословно совпадает с цитируемым ниже донесением в Главное управление цензуры.

⁴² Вероятно, Снегирев и его коллеги по цензурному комитету имели в виду распоряжения, касающиеся дополнительных ограничений по отношению к книгам, «назначаемым для чтения простого народа», т. е. непривилегированных классов (см., например, распоряжение министра народного просвещения от 21 апреля 1851 года: Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 264–265). Роман Мандзони, разумеется, отличался от так называемых книг для народного чтения, устойчиво вызывавших придирчивое внимание цензурных ведомств (об этом см.: *Рейтблат А. И.* Цензура народных книг во второй четверти XIX века // *Рейтблат А. И.* Как Пушкин вышел в гении. М., 2001. С. 182–190), однако мог казаться потенциально интересным для неэлитных групп читателей учитывая «простых» героев-протагонистов (ремесленник Ренцо Трамаллино и крестьянка Лючия Монделла) и вполне демократичную ориентацию книжной серии Глазунова-Улитина.

Прилагая у сего помянутую рукопись в трех частях и печатную книгу, комитет имеет честь довести, что как приведенные выше мнения влагаются в уста отчаянных кошунов и невежд и, по-видимому, сочинитель их не разделит сам, то комитет со своей стороны полагает, что этот роман может быть пропущен к печати с исключением или изменением отмеченных мест, тем более, что в нем преступление не только не оправдывается, но и наказывается, а правое дело торжествует».⁴³

На заседании Главного управления цензуры 7 февраля 1853 года было принято решение согласиться с мнением Московского цензурного комитета и наконец дозволить перевод, но с исключением или изменением отмеченных в отзыве мест.⁴⁴ Судя по карандашным пометам на полях рапорта, исключению, по мнению Главного управления цензуры, следовало подвергнуть эпизод из 1-й части, касающийся покаяния своих духовных обязанностей Доном Абондио, сцены народного бунта в Милане и все фрагменты, касающиеся сомнений в загробной жизни и нарушения обета Богоматери, в 3-й и 4-й частях. Однако в окончательном тексте, дозволенном Снегиревым к печати, не все эти требования были учтены — в отличие от претензий к отдельным эпизодам 1-й, 3-й и 4-й частей,⁴⁵ сама сцена хлебного бунта во 2-й части была сохранена, сокращено было лишь несколько фраз.

При этом цензурных исправлений в издании 1854 года оказалось гораздо больше, о чем позволяет судить уникальный источник — сохранившийся в составе библиотеки Дмитриевых цензурный экземпляр первой части «Обрученных».⁴⁶ Этот экземпляр представляет собой 1-й том печатного издания 1840 года с многочисленными пометами и отчеркиваниями цензора Снегирева и карандашными редакторскими исправлениями в тексте; кроме того, в нескольких местах подклеены или вплетены листы белой бумаги с рукописными заменами и вставками, сделанными в ответ на замечания цензора.⁴⁷ Учитывая редкость источников подобного типа, позволяющих на конкретном

⁴³ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. № 2992. Л. 1–2 об.

⁴⁴ Там же. Л. 3–5 об.

⁴⁵ Поправки, коснувшиеся эпизода из 1-й части, см. ниже. В 3-й части оба отмеченных Снегиревым эпизода были переработаны — ср. в печатном тексте 1854 года: «„Бог! Прервал незнакомец, всегда Бог! Что вы надеетесь получить чрез эти слова?....“ и он не докончил речи» (Обрученные. Медиоланская быль XVII столетия... / Пер. с ит. В. С. Межевича. Ч. 3. С. 21), «Если другая жизнь, о которой мне говорили в детстве, о которой и теперь беспрестанно толкуют, если... то для чего же мне умирать?.... Если ж в самом деле есть другая жизнь...» (Там же. С. 28). В 4-й части были устранены реплики Ренцо, в которых он выражает сомнения в силе обета безбрачия, данного Лючий в минуту отчаяния: «„Но, Ренцо, вы говорите без размышления. Обещание Богоматери... обет...“ — „Нет, нет; не говорите мне этого. Вы не знаете, что говорите; вы не знаете всю силу обета; вы никогда не были вынуждены произнести его. Оставьте меня, ради Бога!“» (Там же. Ч. 4. С. 84) — в оригинальном тексте между этими высказываниями Лючий идет реплика героя; в другом эпизоде, когда Ренцо рассказывает падре Христофору о встрече с Лючий и ее обете, все объяснение сводится к энигматическому умолчанию: «Я хочу сказать...» (Там же. С. 90), а дальнейший диалог падре Христофора с Лючий (С. 91–92) также подвергнут мелкой правке по сравнению с оригиналом.

⁴⁶ Отдел редких книг и рукописей НБ МГУ, шифр Дмитр. 8948. Приношу глубочайшую благодарность А. Л. Лифшицу за консультацию и помощь в работе с фондами Отдела.

⁴⁷ Пример первого тома позволяет предположить, что и в других частях «Обрученных» могли быть сделаны подобные замены или пропуски; в отсутствии цензурных материалов их могло бы выявить последовательное сопоставление итальянского оригинала и русского перевода, однако в задачку этой статьи такая работа не входила. Исследование такого типа может быть проведено на базе электронного проекта «Leggo Manzoni: Quaranta commenti alla Quarantana» (<https://projects.dharc.unibo.it/leggomanzoni/>; дата обращения: 31.01.2025), работа над которым ведется в университете Болоньи и Digital Humanities advanced research center (DH.arc) при участии Эрсилы Руссо, Беатрис Нава, Марии Левченко, Джулии Менна. В рамках проекта продолжается подготовка корпуса размеченных параллельных переводов «Обрученных» на различные языки мира, и в том числе русский, что позволяет выявлять фрагменты, сокращенные или опущенные в переводах. О принципах разметки корпуса переводов Мандзони см.: *Levchenko M. Automatic Translation Alignment Pipeline for Multilingual Digital Editions of Literary Works // Proceedings of the Computational Humanities Research Conference 2024 (CHR 2024), Aarhus, Denmark, December 4–6, 2024. P. 1086–1104. Пользуемся случаем поблагодарить М. А. Левченко за помощь*

материале увидеть характер как цензурной правки, так и постцензурных исправлений, приведем параллельно фрагменты из перевода Межевича, вызвавшие претензии цензора Снегирева, и предложенные издателем поправки, а также сопоставим их с печатным текстом издания 1854 года.⁴⁸

Текст цензурного экземпляра (= печатное издание 1840 года)	Редакторские исправления (рукописные вставки, карандашная правка), перешедшие в окончательный текст издания 1854 года
Во время тех событий, которые намерены мы описать, Легко было уже значительным местечком, и кроме того маленькой крепостью; в следствие чего пользовалось честию — служить местопребыванием коменданта и счастьем обладать постоянным гарнизоном испанских солдат, которые занимались образованием молодых девушек и жен, не редко тешились над спинами мужей и отцев, и в конце лета всегда располагались в виноградниках и обирали их дочиста, вероятно, для того, чтобы облегчить крестьянам <u>труды нераздельные с собиранием винограда.</u> (Изд. 1840, с. 15)	Во время тех событий, которые мы намерены описать, Легко было уже значительным местечком и маленькой крепосцей; в следствие чего в нем жили комендант и постоянный гарнизон испанских солдат, которые, занимаясь образованием молодых девушек и жен, жестоко поступали с мужьями и отцами их, а в конце лета постоянно перебирались в виноградники и, вероятно, желая избавить поселян от труда — собирать виноград, обирали их до чиста. Ср. окончательный вариант печатного текста: Во время тех событий, которые мы намерены описать, Легко было уже значительным местечком и маленькой крепосцей; в следствие чего в нем жили комендант и постоянный гарнизон испанских солдат, которые занимались собиранием винограда. (Изд. 1854, с. 10)
Дон-Абондио спокойно читал свои молитвы и иногда, между одним псалмом и другим, закрывал молитвенник, влагая в него указательный перст правой руки, служивший ему заметкою; потом, сложив обе руки назад, правую с полужакрытой книгой в ладонь левой, он с потупленными взорами продолжал свой путь, изредка отбрасывая ногой к стене камни, попадавшие ему под ноги, и весьма спокойно давая волю праздным мыслям, <u>соблазнявшим его душу, пока уста сами напедали навечерни.</u> (Изд. 1840, с. 17)	Дон-Абондио спокойно читал свои молитвы и иногда, между одним псалмом и другим, закрывал молитвенник, влагая в него указательный перст правой руки, служивший ему заметкою; потом, сложив обе руки назад, правую с полужакрытой книгой в ладонь левой, он с потупленными взорами продолжал свой путь, изредка отбрасывая ногой к стене камни, попадавшие ему под ноги; уста его лепетали молитву, но, по выражению лица его, заметно было, что мысли его не согласовались с устами. Текст Изд. 1854 (с. 11) соответствует вставке.
«Точно так...» отвечал Дон-Абондио дрожащим голосом; «точно так... Но вы, господа, люди светские, и знаете, как это водится: наш брат священник в этом вовсе не участвует. Они условятся между собой; а после... идут к нам точно так же, как бы за деньгами к банкиру, а мы... мы служители общественные». (Изд. 1840, с. 28)	«Точно так...» отвечал Дон-Абондио дрожащим голосом; «точно так... я, как священник, должен благословить этот союз...» Текст Изд. 1854 (с. 17) соответствует вставке.

в работе с этим ресурсом. Отметим, что перевод Межевича, выполненный еще в конце 1830-х годов, делался не с издания «Обрученных» 1840 года (так называемая Quarantana), положенного в основу параллельного корпуса, а с одного из изданий, восходящих к редакции 1827 года (Ventisettana).

⁴⁸ Вычеркнутые или отчеркнутые фрагменты печатного текста и рукописных вставок, которые также не всегда удовлетворяли цензора, выделены подчеркиванием, курсивом переданы карандашные поправки в печатном тексте цензурного экземпляра. Далее ссылки на оба издания приводятся в тексте сокращенно: Изд. 1840 и Изд. 1854, с указанием номера страницы.

Когда какой-нибудь разбойник намеревался совершить злодеяние, он заранее все учредил так, что успевал сокрыться туда, куда бы секиры не дерзнули показаться, или без дальних предосторожностей надевал ливрею могущественного дома, которому самолюбие поставляло в обязанность защищать его; он мог тогда свободно действовать и смеяться над угрозами. Даже те, которым поручено было их исполнение, частью сами принадлежали к привилегированному сословию, частью зависели от него, как клиенты; и все, по воспитанию, по выгодам, по привычке, по подражанию, принимали его правила, и никак не решились бы посягнуть на них ради лоскута бумаги, привешенного на распутии дорог. Кроме того те, на которых возложено было непосредственное исполнение законов, если б даже и были предприимчивы, как герои, послушны, как монахи, и преданы, как мученики, быть может, и тогда не достигли бы своей цели противу столь неравного числа противников; особенно же зная, что весьма часто будут оставлены, или даже преданы теми, которые в мысли, так сказать, в теории, повелевали им действовать. (Изд. 1840, с. 33–34)	Когда какой-нибудь разбойник намеревался совершить злодеяние, он заранее обдумывал средства как к достижению своей цели, так и к тому, чтобы преступление его не оставило по себе никаких следов; он всегда умел найти себе могущественных защитников, которые принимали его под свое покровительство, боясь неравного числа врагов.
Он в особенности восставал против своих собратий, которые с опасностью жизни принимали сторону слабого противу могущаго притеснителя. «К чему», говорил он, «добровольно вмешиваться в интриги и хотеть невозможного». Он строго называл это суетою мирскою, неприличною величию священного сословия... (Изд. 1840, с. 38–39)	Текст Изд. 1854 (с. 20) соответствует вставке.
«Худые нынче времена, отец Гальдино; а когда мало хлеба, так и на все становимся бережливее». — «А чтобы возратить хорошие времена, какие для этого средства, матушка? Подание. Слышали ли вы о том чуде, которое давно уже случилось в нашем монастыре?» — «Нет. Расскажите мне?» — «О! так знайте же, что в этом монастыре был святой отец, которого звали отец Макарио...» (Изд. 1840, с. 95)	Он в особенности был не доволен теми из своих собратий, которые любили вмешиваться в мирские интриги. Текст Изд. 1854 (с. 23) соответствует вставке. Да, отец Гальдино, теперь не то, что было в старину. — Что ж делать, матушка? Слышали ли вы о том предсказании, которое некогда случилось в нашем монастыре? Далее карандашные исправления в печатном тексте: «О! так знайте же, что в этом монастыре был праведной жизни отец, по имени отец Макарио...» Текст Изд. 1854 (с. 53) соответствует вставке и исправлениям.
«Прочь, подлый купец, или в один раз навсегда я выучу тебя, как должно обращаться с дворянами!» — «Ты лжешь, называя меня подлым». — «Ты лжешь, говоря мне, что я лгу». «И если б ты, подобно мне, был дворянином», прибавил вельможа, «я доказал бы тебе со шпагою в руках и с шлемом на голове, что ты лжец». — «Прекрасный предлог, чтоб доказать на деле надменность слов своих!». — «Киньте в грязь этого наглеца!» сказал своим брави разгневанный дворянин. (Изд. 1840, с. 113)	Карандашные исправления в печатном тексте: «Прочь, негодяй, или однажды навсегда я научу тебя, как обращаться с дворянами!» — «Ты лжешь, называя меня негодяем». — «Ты лжешь, говоря мне, что я лгу». «И если б ты, подобно мне, был дворянином», прибавил вельможа, «я доказал бы тебе со шпагою в руках, что ты лжец». — «Прекрасный способ доказывать на деле надменность слов своих!». — «Киньте в грязь этого наглеца!» сказал своим брави разгневанный дворянин. Текст Изд. 1854 (с. 63) соответствует исправлениям.

...невеста скажет: господин пастор! этот мужчина мой муж. Надобно, чтобы пастор слышал, и чтобы свидетели слышали: тогда свадьба сделана, и так же священна как будто б сам папа совершил ее. (Изд. 1840, с. 178–179)	Карандашные исправления в печатном тексте: ...невеста скажет: господин пастор! этот мужчина мой муж. Надобно, чтобы пастор слышал, и чтобы свидетели слышали: тогда <i>брак совершен</i> и так же <i>священ</i> как будто б сам папа совершил <i>его</i>. Текст Изд. 1854 (с. 98) соответствует исправлениям.
К покаянию братец, к покаянию. Что же до меня касается, я очень рад. Знаете ли, это будет презанимательная вещь — видеть, как вы, полные благочестия, будете потуплять взор свой! Какая слава монаху! С какой гордостью возвратится он в свой монастырь! Не всякий день, и не всякой сетью поймашь такую рыбку. Будьте уверены, что он будет ставить вас в пример, и в каком-нибудь дальнем путешествии станет рассказывать о ваших деяниях. Мне кажется даже, что я уже слышу его. И тут, говоря в нос и насмешливо, он продолжал... (Изд. 1840, с. 210)	К покаянию, братец, к покаянию. Знаете-ли, это очень радует меня! Какая слава монаху! С каким удовольствием во взоре возвратится он в монастырь! С какою похвалою он будет отзываться о ваших деяниях, в каком-нибудь отдаленном путешествии! Мне кажется даже, что я уже слышу это. Текст Изд. 1854 (с. 115–116) соответствует вставке.
«Высокопревосходительная синьора!» сказала она, «я могу вас уверить, что дочь моя ненавидела этого вельможу, как дьявол святую воду, то есть: дьяволом был он, хочу я сказать; но вы извините меня, что я дурно объясняюсь: мы люди простые». (Изд. 1840, с. 283)	«Высокопревосходительная синьора!» сказала она, «смею вас уверить, что дочь моя не любила этого вельможу, как злой дух святую воду т.е. злым духом был он, хочу я сказать; но извините меня, я, кажется, дурно объясняюсь: что ж делать? мы люди простые». Ср. окончательный вариант печатного текста: «Высокопревосходительная синьора!» сказала она, «смею вас уверить, что дочь моя не любила этого вельможу». (Изд. 1854, с. 155)
Куклы, одетые монахинями, были ее первыми игрушками; ей давали также и картинки, представлявшие инокинь <...> Когда князь, княгиня или их сын <...> хотели похвалить маленькую девочку, казалось, они не находили другого способа хорошо выразить мысль свою, как говоря: «Настоящая игуменья!» Однако ж никто не говорил ей ясно: ты должна быть монахиней. (Изд. 1840, с. 289)	Карандашные исправления в печатном тексте: Куклы, <i>представляющие монахинь</i>, были ее первыми игрушками; ей давали также и картинки, <i>изображавшие</i> инокинь <...> Когда князь, княгиня или их сын <...> хотели похвалить маленькую девочку, казалось, они не находили другого способа хорошо выразить мысль свою, как говоря: «<i>Вот</i> игуменья!» Однако ж никто не говорил ей ясно: ты должна быть монахиней. Текст Изд. 1854 (с. 158–159) соответствует исправлениям, однако в первой фразе, вероятно, опечатка, ед. ч. вместо мн. ч.: «Куклы, представляющие монахиню...»
Но религия в таком виде, в каком она была изъяснена бедной молодой девушке и принята ею, не отгоняла гордости, напротив, освящала и предлагала ее, как средство достичь земного счастья. (Изд. 1840, с. 296)	Религиозные правила в таком виде, в каком они передавались молодой девушке и усваивались ею, не уничтожали в ней гордости, но, напротив, по ее мнению, служили средством к достижению земных целей. Ср. окончательный вариант печатного текста: Религиозные правила в таком виде, в каком они передавались молодой девушке и усваивались ею, не уничтожали в ней гордости. (Изд. 1854, с. 162)

Трепещущая Гертруда почтительно спросила, что ей делать. На это князь (<u>сердцу противно называть его в эту минуту отцом</u>) прямо не отвечал; но распространился о проступке Гертруды, и слова его произвели на бедную девушку то же действие, какое производит грубая рука на рану. (Изд. 1840, с. 310)	Карандашные исправления в печатном тексте: Трепещущая Гертруда почтительно спросила, что ей делать. На это князь (<i>прискорбно</i> называть его в эту минуту отцом) прямо не отвечал; но распространился о проступке Гертруды, и слова его произвели на бедную девушку то же действие, какое производит грубая рука на рану. Текст Изд. 1854 (с. 170) соответствует исправлению.
Вошли в зал. Молодая невеста <u>была в нем идолом, забавою, жертвой</u>. (Изд. 1840, с. 316; курсив оригинала. — А. Б.)	Карандашные исправления в печатном тексте: Вошли в зал. Молодая невеста <i>обратила на себя внимание всех</i>. Текст Изд. 1854 (с. 174) соответствует исправлениям.
Этот <u>бесенок</u> проворен, как заяц; он был таков еще с самой люльки... (Изд. 1840, с. 320)	Карандашные исправления в печатном тексте: Этот <i>баловень</i> проворен, как заяц; он был таков еще с самой люльки... Текст Изд. 1854 (с. 176) соответствует исправлению.
<u>Тут добрый священник начал спрашивать ее по правилам, уставом предписанным: «Чувствуете ли вы в сердце свободное и непринужденное намерение быть монахиней? Чтобы привести вас к тому, не было ли употреблено обольщений, угроз или чьей-нибудь власти? Говорите откровенно человеку, который обязан знать истинную волю вашу, чтоб чрез то избежать всякой жестокости»</u>. (Изд. 1840, с. 334)	Добрый священник начал спрашивать ее по установленным [уставом] Римскою церковию правилам: «На принятие вами монашеского сана есть ли собственное ваше желание, исходящее из глубины сердца? Или не принимаете ли вы на себя этот сан, в следствие обольщений, угроз или чьей-нибудь власти? Скажите мне откровенно, как человеку, который обязан знать истинную вашу волю, чтобы быть вам полезным». Текст Изд. 1854 (с. 183) соответствует вставке.

Как хорошо видно из перечня вычеркнутых и отчеркнутых мест и внесенных издателем поправок, внимание Снегирева привлекали, помимо мест, описанных в докладе Главному управлению цензуры, прежде всего отдельные слова, выражения и эпизоды, касающиеся нравов и поведения духовных лиц (прежде всего трусливого Дона Абондио), религиозных обрядов, упоминаний Бога или дьявола — вне зависимости от контекста, а также социального неравенства и насилия по отношению к слабым и непривилегированным. Если первая группа претензий была изначально характерна для цензурной практики и неоднократно осмеивалась и становилась предметом жалоб разной степени публичности начиная с середины 1810-х годов, то во внимании к проблематике социального угнетения и властного насилия можно видеть отражение новых тенденций в цензурной политике, связанных с установкой на особый контроль за «читателями низшего класса».

Таким образом, долгий и сложный путь романа Мандзони к отечественному читателю демонстрирует важность не только политических, но также социальных и институциональных факторов в цензурной судьбе иностранной литературы в Российской империи.

Алина Сергеевна Бодрова

доцент Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»; научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Alina Sergeevna Bodrova

Associate Professor, National Research University
Higher School of Economics (Moscow);
Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences
ORCID: 0000-0002-4048-1908
abodrova@hse.ru

**ЦЕНЗУРНАЯ СУДЬБА РОМАНА А. МАНДЗОНИ «ОБРУЧЕННЫЕ»
В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ****CENSORING *THE BETROTHED* BY A. MANZONI, IN THE CONTEXT OF THE
SOCIAL HISTORY OF LITERARY WORKS IN TRANSLATION**

Статья посвящена цензурной истории ранних русских переводов романа Алессандро Мандзони «Обрученные» (*I Promessi Sposi*). Рассматривая Комитет цензуры иностранной, регулировавший распространение книг на иностранных языках, и ведомства обыкновенной цензуры, отвечавшие за переводы на языки Российской империи, как своеобразный институт культурного трансфера, автор статьи фокусируется на институциональных механизмах принятия цензурных решений, идеологических и социальных контекстах конкретных цензурских суждений и действий. С опорой на архивные документы и материалы Отделов редких книг и рукописей Научной библиотеки СПбГУ и Научной библиотеки МГУ в статье реконструирована история русских переводов «Обрученных» 1833, 1840 и 1854 годов, а также польского перевода 1836 года; установлено имя автора первого книжного перевода романа Мандзони (1833), выявлены многочисленные цензурные купюры и изменения в переводе В. С. Межевича (1854). Особое внимание уделено сравнению подходов цензоров к русским и польским переводам романа в контексте внутриаполитической ситуации в Российской империи 1830-х годов. Такой подход к изучению переводной литературы, рассмотренной на фоне рецепции собственно иностранных изданий, не только расширяет границы Translation Studies на русском материале, но и позволяет встроить историю переводной литературы в более широкий контекст социальной истории русской литературы имперского периода.

Ключевые слова: А. Мандзони, русско-итальянские связи, история цензуры, социальная история литературы, история перевода.

The article explores the censorship history of the early Russian translations of Alessandro Manzoni's novel *The Betrothed* (*I Promessi Sposi*). Examining the specific institutions of cultural transfer, the Foreign Censorship Committee that regulated the circulation of foreign language books and the rank-and-file censorship departments that were responsible for the translations into the languages of the Russian Empire, the author focuses on the institutional mechanisms of decision-making, ideological and social contexts of judgments and actions. Using archival documents and materials from the Rare Books and Manuscripts Departments of the Academic Library of St. Petersburg State University and the Academic Library of Moscow State University, the article reconstructs the history of the Russian translations of *The Betrothed* of 1833, 1840, and 1854, as well as the Polish translation of 1836; the author of the first translation of Manzoni's novel, published in book form (1833), is identified, numerous censorship omissions and alterations in Vasilii Mezhevich's translation (1854) are noted. The study focuses on the analysis of translated literature within the internal political climate of the Russian Empire in the 1830s. This approach to translated literature, treating it through the prism of the reception of the foreign editions, expands the boundaries of Translation Studies on Russian material, as well as enables us to place the history of translated literature into the broader context of the social history of Russian literature of the Imperial period.

Key words: A. Manzoni, Russian-Italian relations, censorship history, social history of literature, translation history.

Список литературы

1. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 2.
2. *Володина И. П.* Заметки о восприятии творчества А. Мандзони в России (1820–1960) // Володина И. П. Итальянская традиция сквозь века. Из истории итальянской литературы XVI–XX веков: Сб. статей. СПб., 2004.
3. *Гусман Л. Ю.* История несостоявшейся реформы: Проекты преобразования цензуры иностранных изданий в России (1861–1881 гг.). М., 2001.
4. Комитет цензуры иностранной в Петербурге, 1828–1917: документы и материалы / Сост. Н. А. Гринченко, Н. Г. Патрушева. СПб., 2006.
5. *Москин В. А.* Цензура и распространение иностранных изданий в Москве (вторая половина XIX — начало XX в.). Дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2004.
6. *Полянская Л. И.* Цензурные дела об издании произведений Мицкевича в России // Адам Мицкевич в русской печати 1825–1955 / Отв. ред. М. П. Алексеев. М.; Л., 1957.
7. *Рейтблат А. И.* Цензура народных книг во второй четверти XIX века // Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении. М., 2001.
8. *Феофанов А. М.* Студенты Московского университета второй половины XVIII — первой четверти XIX века: библиографический словарь. М., 2013.
9. *Чарота У. I.* Творчае засваенне італьянскай літаратуры П'якідам Янкоўскім // Вестнік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2023. № 3. С. 57–62.
10. *Эспань М.* История цивилизаций как культурный трансфер / Пер. с фр. Е. Е. Дмитриевой. М., 2018.
11. *Baer B. J.* Literary Translation in the Age of the Decembrists: the Birth of Productive Censorship in Russia // The Power of the Pen: Translation & Censorship in Nineteenth-century Europe. Wien; Berlin, 2010.
12. *Choldin Tax M.* A Fence around the Empire: Russian Censorship of Western Ideas under the Tsars. Durham, 1985.
13. *Dančenko V.* Manzoni in Russia // Italianistica. 1973. Vol. 2. № 1.
14. *Levchenko M.* Automatic Translation Alignment Pipeline for Multilingual Digital Editions of Literary Works // Proceedings of the Computational Humanities Research Conference 2024 (CHR 2024), Aarhus, Denmark, December 4–6, 2024.
15. The Power of the Pen: Translation & Censorship in Nineteenth-century Europe. Wien; Berlin, 2010.
16. The Routledge Handbook of Translation and Censorship / Ed. by D. Merkle, B. J. Baer. London, 2025.
17. Translation and Censorship in Different Times and Landscapes. Newcastle, 2005.
18. Translation Studies Forum: Translation and censorship // Translation Studies. 2011. Vol. 4. № 3; 2012. Vol. 5. № 1.
19. *Vitale S.* Manzoni in Russia // Manzoni europeo / A cura di G. Pontiggia. Milano, 1985.
20. *Volodina I.* Manzoni in Russia // Atti del VII Congresso nazionale di studi manzoniani. Lecco, 1966.

References

1. *Baer B. J.* Literary Translation in the Age of the Decembrists: the Birth of Productive Censorship in Russia // The Power of the Pen: Translation & Censorship in Nineteenth-century Europe. Wien; Berlin, 2010.
2. *Belinskii V. G.* Poln. sobr. soch.: V 13 t. M., 1953. T. 2.
3. *Charota U. I.* Tvorchae zasvaenne ital'janskaj litaratury Plakidam Iankoŭskim // Vesnik Bresckaga ŭniversiteta. Ser. 3. Filalogiia. Pedagogika. Psihalogiia. 2023. № 3. S. 57–62.
4. *Choldin Tax M.* A Fence around the Empire: Russian Censorship of Western Ideas under the Tsars. Durham, 1985.
5. *Dančenko V.* Manzoni in Russia // Italianistica. 1973. Vol. 2. № 1.
6. *Espan' M.* Istoriia tsivilizatsii kak kul'turnyi transfer / Per. s fr. E. E. Dmitrievoi. M., 2018.
7. *Feofanov A. M.* Studenty Moskovskogo universiteta vtoroi poloviny XVIII — pervoi chetverti XIX veka: biobibliograficheskii slovar'. M., 2013.
8. *Gusman L. Iu.* Istoriia nesostoiavsheisia reformy: Proekty preobrazovaniia tsenzury inostrannykh izdaniy v Rossii (1861–1881 gg.). M., 2001.
9. Komitet tsenzury inostrannoi v Peterburge, 1828–1917: dokumenty i materialy / Sost. N. A. Grinchenko, N. G. Patrusheva. SPb., 2006.
10. *Levchenko M.* Automatic Translation Alignment Pipeline for Multilingual Digital Editions of Literary Works // Proceedings of the Computational Humanities Research Conference 2024 (CHR 2024), Aarhus, Denmark, December 4–6, 2024.

11. Moskvina V. A. Tsenzura i rasprostranenie inostrannykh izdaniy v Moskve (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.). Dis. ... kand. ist. nauk. Tver', 2004.
12. Polianskaia L. I. Tsenzurnye dela ob izdaniy proizvedenii Mitskevicha v Rossii // Adam Mitskevich v russkoi pečati 1825–1955 / Otv. red. M. P. Alekseev. M.; L., 1957.
13. Reitblat A. I. Tsenzura narodnykh knig vo vtoroi chetverti XIX veka // Reitblat A. I. Kak Pushkin vyshel v genii. M., 2001.
14. The Power of the Pen: Translation & Censorship in Nineteenth-century Europe. Wien; Berlin, 2010.
15. The Routledge Handbook of Translation and Censorship / Ed. by D. Merkle, B. J. Baer. London, 2025.
16. Translation and Censorship in Different Times and Landscapes. Newcastle, 2005.
17. Translation Studies Forum: Translation and censorship // Translation Studies. 2011. Vol. 4. № 3; 2012. Vol. 5. № 1.
18. Vitale S. Manzoni in Russia // Manzoni europeo / A cura di G. Pontiggia. Milano, 1985.
19. Volodina I. P. Zametki o vospriyatii tvorchestva A. Mandzoni v Rossii (1820–1960) // Volodina I. P. Ital'ianskaia traditsiia skvoz' veka. Iz istorii ital'ianskoi literatury XVI–XX vekov: Sb. statei. SPb., 2004.
20. Volodina I. Manzoni in Russia // Atti del VII Congresso nazionale di studi manzoniani. Lecco, 1966.

Оксана Александровна Воробьева

старший преподаватель Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Москва)

Oxana Aleksandrovna Vorobyova

Senior Lecturer, National Research University
Higher School of Economics (Moscow)

ORCID: 0009-0006-6676-4654

oxalvo@gmail.com

НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ Л. А. МЕЯ

L. A. MEI'S ABORTED MAGAZINE PROJECT

В статье с опорой на архивные документы впервые подробно прослежена история журнального проекта Л. А. Мей «Россия, временник отечественных событий, словесности, науки, искусств и художеств». Несмотря на дважды полученное разрешение (в 1854 и 1856 годах), издание так и не вышло в свет. Анализ программы «Временника...» свидетельствует о том, что Мей, не имея практической возможности реализовать свой проект, умел принимать верные стратегические решения, позволявшие получить право на выпуск нового периодического издания.

Ключевые слова: Л. А. Мей, «Временник отечественных событий, словесности, науки, искусств и художеств», русская журналистика, журнальный проект, цензура.

Drawing on the archival data, the article offers the first ever exploration of a magazine project by L. A. Mei, *Russia, the Chronicle of National Events, Literature, Science and Arts*. Even though the permission to publish the magazine was granted twice (in 1854 and 1856), Mei never brought the project to fruition. The analysis of the program of the *Chronicle* indicates that although Mei didn't have the practical abilities and capabilities to implement his project, he nevertheless had a strategic idea of how to obtain a permission to publish a magazine in a challenging time for the Russian press.

Key words: L. A. Mei, *Russia, the Chronicle of National Events, Literature, Science and Arts*, Russian journalism, magazine project, censorship.

Список литературы

1. Воробьева О. А. Л. А. Мей в редакции журнала «Русское слово» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2018. № 4.